

ГОВОРЯЩИЙ ХОЛСТ

рассказ

Я дарю вам этот холст. У меня на родине принято дарить то, что понравилось гостю.

Солнце нещадно палило.

Я шел к лесу. Густая зеленая стена манила прохладой.

Голова кружилась от медвяных запахов. В хлебах, колыхавшихся по обе стороны, маячили васильки.

Лес был смешанный. Ели тянули вниз мохнатые лапы, заботливо прикрывая себя до самой земли. Рядом, будто беззвучно, тряслись в неумном хохоте жизнерадостные и легкомысленные осины. А поодаль, казалось, хмуро и осуждающе мыслили дубы.

При ходьбе в чаще появлялись и пропадали березки. словно девушки в белых платьях играли там в прятки. Синеокие, светлокосые, смешливые... Возьмут за руку и утащат в свой хоровод, чтобы снова стал молодым...

Великий Гете семидесяти четырех лет создал знаменитую Марианбадскую элегию — тайную песню о своей взаимной любви с девятнадцатилетней Ульрих, легкой, восторженной, белокурой...

И тут я увидел... свою девятнадцатилетнюю!..

Профиль как с камеи! Тяжелый узел волос на затылке вороненой сталью блестит на солнце. Стрельчатые ресницы, устремленные вперед вместе с нацеленным взглядом.

Я опешил. Остановился.

Можно понять Фауста, продавшего за молодость душу дьяволу! Не себя ли вспомнил Гете, создавая своего бессмертного доктора? Спустя семь лет после нежной и горькой, как запах черемухи, вспышки чувств к кроткой девушке!

Девушка сидела перед мольбертом.

Оглянулась и отнюдь не кротко, а насмешливо взглянула на меня.

Должно быть, лицо мое было уморительным, когда я рассматривал изображение на холсте.

Прохладный лес только что манил к себе густой зеленой тенью, а здесь... он пылал!

Огненный смерч перелетал с дерева на дерево. Высокие стволы взвивались факелами. Дым стелился по земле, и сквозь него просвечивали злые языки пламени, подкрадываясь по иссохшей траве к очередной зеленой жертве.

— Что это? — изумленно спросил я, забыв "закон гор" и все слова приветствия.

— Стихия! — ответила художница, пожав обнаженными покатыми плечами, мечтой ваятелей. И вытерла кисточку тряпкой.

— Простите, — начал я. — Понимаю, непосвященным полработы не показывают. Но, может быть, вы сделаете мне исключение? — И я назвал себя.

Она улыбнулась:

— Фантаст должен понять меня.

— В чем?

— В желании увидеть то, чего нет.

— В игре воображения?

— Если хотите, то так. Кстати, это уже не половина работы. Это законченный этюд.

— Законченный? Он никогда не закончится! — запротестовал я. — Деревья в нем сгорают! Я слышу их треск. Ваш холст говорит! Кричит!

— В самом деле?

— Клянусь самой Фантазией!

— В таком случае он ваш.

— Что?

— Я дарю вам этот холст. У меня на родине принято дарить то, что понравилось гостю.

— Я ваш гость?

— Конечно. Это мой дом! Здесь все мое: лес, поле, воздух! И вы пришли ко мне. А я, Тамара Неидзе из Тбилиси, студентка. И я приду к

вам, чтобы узнать, что расскажет вам мой холст. Приду, если позволите, с ребятами, которым обязана тем, что написала на холсте. Идет?

Она говорила с очаровательным кавказским акцентом, выделяя слова и тем придавая им особую весомость. Мне ничего не осталось делать, как принять княжеский дар.

— Беру, княжна! Да пылает ваш талант, как этот изображенный вами пожар!

И я шел из лесу с колдовским подарком под мышкой.

Медвяные запахи или что-то еще окончательно вскружили мне голову. Ай да Гете!

Правда, придется платить. К счастью, не дьяволу, а моей будущей гостье платить рассказом ее говорящего холста!

Придет ли она одна? Или с провожатыми, как обещала?

И вот я сижу перед натянутым на раму полотном. Мне кажется, что от него пышет жаром. До боли жаль горящее дерево. Глупо, но я поставил рядом с собой ведро воды.

Вообще-то полезно было бы окатиться с головы до ног!

Кто не смотрел как зачарованный на живое пламя костра? Для меня на картине огонь, перелетавший с дерева на дерево, был таким же живым, жадным, жгучим. И попадавшие в его раскаленные лапы стволы извивались, как от боли, корчились, загорались с треском, с пальбой, рассыпая снопы искр, от каждой из которых где-то вспыхивал новый язычок пламени, разбухал, наливался алой краской и превращался в ревуший факел с черной дымящейся шапкой.

И все это смешивалось, сливалось, шипело, стонало, грохотало.

А перед тем...

Хромой начал свой путь наверняка в десяти километрах ниже Хабаровского моста через Амур, близ устья полугорной речки Тунгуски (не путать с Подкаменной Тунгуской, в которую превращается в низовьях Ангара!).

Он начал свой путь там, где у села Ново-Каменка высится базальтовый холм "Пагода Дьявола". Черная борода "Каменного Пришельца из дальних мест" свисала, извиваясь твердыми струями.

Перед засухой последний дождь тайги застал Хромого именно у камнепада, превратившегося на час в черный кипящий "смолопад", ниспадающий с крыши "Пагоды".

Неспешной походкой опытного искателя женьшеня отправился Хромой на север, уклоняясь к востоку.

Если бы кто-нибудь заглянул в его котомку, то удивился бы при виде человекоподобных корней целебного растения, до зарослей которого путник далеко еще не дошел.

Велика слава банчуя, велико суеверное преклонение перед ним. Хромой, конечно, прекрасно знал, что лишь после того, как в изумрудной зелени на смену ароматным цветам появятся сплюснутые, с бороздкой в центре темно-красные печечки-ягоды, можно выкапывать корень.

Однако не встретилось на пути странного искателя женьшеня изумрудной зелени, зато попались дикие, долго цветущие золотые пуговики пижмы, похожие на маленькие солнцелюбивые подсолнухи. Встретились и прямые высокие деревья с бархатной корой. Ажурная крона на высоте семиэтажного дома позволила Хромому, запрокинув голову, полюбоваться через нее летящими облаками, а о бархат коры ему было приятно потереться щекой.

Хромой все знал об этом дереве, даже сказку о том, что оно приносит черный жемчуг и расцвело когда-то в саду рыбака, тщетно искавшего на дне моря черный жемчуг, чтобы его отваром спасти дочь. Черный жемчуг с дерева в его саду спас больную.

Но черный жемчуг мог принести владельцу несметное богатство. Больных, готовых все отдать за целительное средство, много, ой как много! Если умело разводить "жемчуг" и ловко торговать, то будешь с большой прибылью! Да и не только черным жемчугом заниматься или женьшенем, но и пробкой, и другими целебными травами! "Эх! Не

раскинулись в тайге "плантации растущего золота" с именем (а не с прозвищем Хромого) на вывеске о трех кедровых столбах!.."

Встречались Хромому на пути и сосны-книги, на коре которых неведомыми письменами начертаны якобы судьбы людей. Но едва ли смог прочесть свою судьбу Хромой по изогнутым линиям, тянущимся по тонкому, как бумага, слою коры на кривых соснах. Никак не разобраться ему в таинственных знаках, полукружьях, точках, овалах и прямых углах.

Неукротимая сила влекла Хромого вперед. Некогда ему было размышлять о своей горькой судьбе, пусть даже записанной здесь злыми духами! О прошлом же своем он и читать бы не стал!

Отец — властный бородач с ниспадающим на глаза чубом. Из уссурийских казаков. Набожный, сулил он сыну миллионы с таежных плантаций, посылая учиться в Харбин. Помощник грамотный нужен был ему! А сам он, подавшись сначала к атаману Семенову, а потом к барону Унгерну, принял вместе с ним "желтую веру", может быть, потому, что напоминала она ему всегда желанный желтый металл? Да сложил он где-то там свою чубатую голову.

На плантациях отца с сыном, как они замышляли, должны были гнуть спину пришлые беспаспортные людишки. Теперь их в тайге не осталось. Но если б мог Хромой прочесть свою судьбу по загадочным знакам вещей сосен, то понял бы, что есть в тайге послушный забросившим его сюда заокеанским хозяевам несостоявшийся владелец...

Хромой шел и шел, бездумно, безучастно ко всему окружающему, двигался как запрограммированный автомат.

И лишь спустя многие недели ходьбы, изнемогая вместе с окружающей тайгой от жары, пройдя несчетные распадки, обойдя лесистые сопки, стал он вынимать из котомки и бросать в высохшую траву металлические пластинки. Воровски оглядывался и, по-тигриному мягко ступая, шел дальше и дальше в таежную глухомань.

Впереди должна была встретиться Великая Просека, пробитая в вековом лесу энтузиастами, стремящимися обжить таежную глушь, проложить через нее стальные полосы пути.

Казалось поначалу, что Хромой шел к этим людям, но звериным своим чутьем, что-то почуяв, круто свернул он на восток и зашагал к океану, хоть и было до него еще море лесов.

Стояла редкая для этих мест жара. Иссохшая трава шуршала. Пот застилал прищуренные и уже отупевшие глаза Хромого. Но он, припадая на левую ногу, все шел и шел, оставляя за собой след из разбросанных пластин. Силы уже оставляли Хромого, но его гнал теперь, помимо чужой злой воли, еще и собственный Страх.

На давно пройденном им распадке лежала в траве пластинка, похожая на отстрелянную гильзу. Олень, чутко поводя великолепной рогатой головой, нечаянно наступил на нее и сразу же отскочил, почуяв недоброе. Задымилась под его копытом сухая трава, а пластинка ожила под жгучими лучами солнца, свернулась и воспламенилась.

Загорелась трава. Легкий ветерок раздул огонь и погнал по распадку к ближайшему дереву. Дым окутал листву, а потом дерево загорелось, сначала у корня, а потом жадные языки взвились к ветвям. Еще миг — и в смолистый факел превратилась нарядная черная береза, какой не встретишь ни в каком другом уголке земного шара!

Крепчал ветер, раздувая пожар. Скоро огненная стена двинулась, гоня перед собой перепуганного оленя.

Бушующее пламя губило вековые исполины. Гибли сосны, погибал пахучий кедрач. Огонь приближался к заветной Просеке Молодых, грозя баракам, первым строениям и деревянным мостам новой дороги.

Казалось, ничто не остановит жаркого вала и огненная стихия сметет все, что дерзко возвели здесь люди.

Часть поднялась по тревоге. Поднялась в прямом смысле — в воздух! И не тихоходные вертолеты, а быстрые самолеты в хвост друг другу вереницей полетели над тайгой, сберегая минуты, секунды...

В одном из них как на подбор сидели тридцать три богатыря и с ними дядька Черномор, которого звали сержантом Спартак. Носил он, как и все, тельняшку, форму поверх нее и берет десантника. Азиатский разрез глаз как-то не вязался у него с выпуклыми, четкими чертами лица, доставшимися от отца, когда-то механика полярной станции в тундре, а потом видного инженера. Мать же его из оленеводческого стана пошла вслед за любимым в большие города с многоэтажными чумами.

А рядом со Спартаком сидел его друг Остап, маленький, верткий. Он не дослужился до сержантского звания из-за озорной своей сущности и несметного числа нарядов, выполнявшихся им вне очереди.

— Эх, траншеекопатель зря не взяли! Клевое бы дело было! — вертелся на идущей вдоль фюзеляжа скамье Остап. — Я бы подсуетился и на парашюте его спустил прямо хоть в очко нужника.

— Твой канавокопатель от слова "копаться" происходит. А нам время дорого, — степенно возразил Спартак.

— Так и я про брызги! Канаву бы пропахать! Или на худой конец — полосу. Испокон веков так делали. А тут без всякой техники летим. Вроде нагишом.

— Хватит тебе в зебры играть.

— А что? Они вроде нас — полосатые! Правда, полосы у них под прутики растущие, а у нас — под морские волны.

— Так то у моряков!

— А у нас вроде от тайги! — и Остап кивнул на иллюминатор. — Мо-оре! Как в песне!

И он запел про крыло самолета и зеленое море тайги.

Ребята подхватили.

А в переднем салоне самолета спор шел на несравненно более высоком уровне.

Знаменитый лесовед профессор Знатьев, огромный, заросший полуседой бородой, с буйными глазами навывкате, стучал по столику тяжеленным кулачищем:

— Продолжаю утверждать, генерал Хренов, что задуманный вами эксперимент — авантюра! Вы легкомысленно пренебрегаете Великим Опытом! Вот так.

Молодой генерал-майор инженерных войск, невысокий, голубоглазый, по сравнению со своим свирепым собеседником казался сжавшимся в комочек.

— Позвольте уточнить, — спокойно возразил он. — Под Великим Опытом вы имеете в виду традиционные методы тушения лесных пожаров?

— Да, да, да! Традиционные, то есть многократно проверенные удачным применением. Оправдавшие себя! Таковы противопожарные просеки, канавы, схожие с вашими противотанковыми рвами, наконец, встречные пожары, не оставляющие огненному валу древесины для возгорания. Бесспорно, для этого требуется труд тысяч и тысяч людей. Но потому мы и обратились к вам, военным, располагающим людскими резервами, что не ради проведения вами в горящей тайге сомнительных фокусов. Руководя таким обреченным делом, вы, дорогой мой генерал, лишь скомпрометируете славное имя Героя Великой Отечественной войны генерал-полковника Хренова, взломавшего своими инженерными войсками линию Маннергейма, сорвав тем последующие попытки захвата немцами Ленинграда с Карельского перешейка. Мы в блокаду вашего деда ой как вспоминали!

— Аркадий Федорович мне дед лишь по военной специальности, к сожалению. Кстати, всегда славился новаторством.

— И Великим Опытом.

— Позвольте тогда уточнить это понятие с помощью одного сонета.

— Сонета? Так их о любви пишут!

— Не только. Эта форма вмещает любую мысль.

— Извольте, читайте. Генерал и стихи! В первый раз слышу!

Молодой генерал чуть заметно улыбнулся и прочел:

*Сверкнет порой находка века,
Как в черном небе метеор.*

*Но редко славят человека.
Слышней, увы, сомнений хор.*

*"Жрецы науки" осторожны,
"Великий Опыт" — их глаза:
"Открыть такое невозможно!
Немыслима зимой гроза!"*

*Запретов сети, что сплетает
Преградою "науки знать",
Тому, кто сам изобретает,
Эйнштейн советовал не знать.*

*Наука к Истине ведет,
Но движется "спиной вперед"!*

— Ну, знаете ли! Я усматриваю в этом переход на личности! Извольте иметь в виду, что моя фамилия происходит не от чьей-то "знатности", а от древнего русского слова "знатье"! Я из лесников вышел. По-настоящему меня и звать-то "Знатьев"!

— Что вы, профессор! Я имел в виду науку! И вполне уважительно! Разве прогресс возможен без взгляда назад?

— Так отчего вы бросаетесь в атаку без оглядки?

— Атакующему оглядываться не положено, коль скоро приказ об атаке отдан. Но вам, Иван Степанович, оглянуться будет естественно, когда вернетесь с самолетами на базу.

— Да вы что, генерал! Думаете, я полетел с вами слушать генеральские сонеты над тайгой? Дудки! Я спрыгну вместе с вами и вашими ребятами, чтобы посмотреть провал вашей затеи. И успеть принять действенные меры через филиал Академии наук. Рация у вас будет?

— Обязательно спустим на парашюте. А вы, профессор, позвольте уточнить, с парашютом прыгали?

— Не приходилось.

— Так ведь нужны тренировки.

— А зачем? Ведь во время первой тренировки мне бы пришлось прыгать в первый раз? Так я лучше впервые спрыгну по делу, чем без дела, а лишь в предвидении его.

— Тогда наденете парашют с автоматикой. А то занесет невесть куда. Падать будете, как и все десантники, в затяжном прыжке. Эхолот даст команду на заданной высоте. Парашют раскроется сам собой. Вот только, может быть, с дерева придется слезать. Сумеете?

— Я, молодой человек, уже сказал вам, что из лесников вышел. Лес люблю и знаю не только снизу. Мальчишкой гнезда разорял. Позже изучал. Ученые до преклонных лет сохраняют такие навыки, как, скажем, скалолазание. Деревья полегче альпинизма.

— Восхищен вами, профессор!

— И вы хороший парень, генерал. Мне жаль быть свидетелем вашего провала.

— Почему же непременно провала?

— У вас ничего не выйдет потому, что выйти не может никогда!

Из кабины пилотов вышел штурман и что-то доложил генералу.

Тот встал:

— Сигнал, как условлено! — И стал надевать нечто похожее на рюкзак. Потом помог так же облачиться и профессору.

Он смотрел на усмехающегося ученого и думал, что поставил сейчас на карту всю свою будущую жизнь.

— Разжалуют вас, батенька, непременно разжалуют. В подполковники, — словно отвечая на его мысли, ворчал Знатьев.

— Позвольте уточнить, профессор. Генерал-полковник Хренов в конце войны появился здесь в погонах подполковника.

— Разжаловали? Не может быть!

— Нет, не разжаловали. Прибыл, так сказать, "инкогнито". Чтобы высший командный состав не примелькался на Дальнем Востоке раньше

времени. И надел он генеральскую форму снова только тогда, когда стали громить Квантунскую армию.

— Не знал, не знал, — бормотал профессор, расправляя богатырские плечи. — Умно сделано. Ну? Когда прыгать?

Радиосигнал прозвучал во всех отсеках самолета.

Десантники повскакали с мест. Спартак распахнул дверь, и его ребята выстроились за ним в очередь.

В проеме двери виднелось зеленое море, о котором только что пели, но подернутое сейчас дымкой не то поднявшегося тумана, не то спустившегося облака. Но это был дым пожарища.

Парашюты с автоматикой. Затяжной прыжок всем знаком. Придется лишь над самыми кронами деревьев чуть поуправлять парашютом. Ну, это дело привычное!

Спартак видел неподалеку от себя под удлинненным куполом Остапа, который подмигивал другу, подтягивая стропы, чтобы сесть на землю поближе к нему.

Рядом в воздухе летели и генерал Хренов с профессором Знатьевым.

Глядя на своего оппонента, совершавшего свой первый затяжной прыжок, генерал думал, что и он, по существу, пошел сегодня в свой первый затяжной прыжок в огонь. Но сколько лет предшествовало тому! Сколько теоретических расчетов, выкладок, учтенных мелочей! Давно Хренов готовился к такому возможному дню. И вот теперь идет на встречу с огненной стихией. Будет ли все, как он рассчитал? Удастся ли дерзкий замысел, который должен сберечь Стране несчетные гектары сохраненного леса, многотрудные усилия тысяч и тысяч оторванных от своего дела людей? Или не удастся его замысел потому, что "не может удастся никогда"? Хорошо, что он не знал об этом, как советовал Эйнштейн, не то не решился бы предложить свой план военному совету, предложить заблаговременно, едва началась в тайге жара?

Генерал опустился на землю между двумя черными березами. На третьей в листве барахтался профессор Знатьев.

Ему удалось отстегнуть пояс. Оставив парашют "украшением" дерева, старый лесовед довольно проворно спустился на землю.

— Что же? Начинать? — спросил он, отдуваясь.

— Уже начали, — отозвался генерал.

Десантники оказались на земле цепочкой, как и в очереди на самолете, только расстояние между бойцами было больше. Но они не бежали построиться, а сразу приступили к делу.

Профессор придирчиво наблюдал за людьми. Они подбегали к деревьям и надевали на них заранее приготовленные пояса со взрывчаткой, притом с расчетливым наклоном, чтобы при взрыве дерево валилось не куда придется, а строго по направлению намеченной просеки. Все это тщательно отрабатывалось самим Хреновым.

Знатьев хозяйским шагом лесника шел между деревьями и зорко поглядывал, чтобы не пропустили какое дерево, словно это не он убеждал генерала в неизбежности провала. Впрочем, он действительно был в этом уверен. Не бывало еще такого! Как это у него сказано в сонете? "Немыслима зимой гроза"? То есть "небывалое явление"? Впрочем, науке известны зимние грозы, известны! Так что... Только непохоже, чтобы удалось здесь устроить такое небывалое явление, вроде "зимней грозы"! Непохоже!.. Не может этого получиться. С первого раза, по крайней мере!

Знатьев поймал себя на том, что допускает возможность удачи, но не с первого раза. И сам сразу утешил себя, что при таежном пожаре времени для повторных попыток не будет! Так что в конечном счете он прав!

Десантники в беретах, в одних тельняшках мелькали между деревьями, соединяя между собой саперным проводом опоясанные стволы. Таких отрядов, как у Спартака, высадилось с парашютами великое множество, растянулись они на многие километры и опоясали взрывчаткой, наверное, немало десятков тысяч деревьев.

Потом разом (по радиокоманде) отошли в глубь леса к своим аккуратно сложенным курткам, оделись, одернулись, построились.

Старый лесник давно уже приметил здоровенный ствол, за которым можно надежно спрятаться. Именно к этому старому кедру "в три обхвата" и потянул профессора генерал Хренов.

Там, оказывается, уже наладили КП, вырыли углубление, где сидел связист с рацией. Генерал пригласил Знатьева спуститься туда. Но профессор не хотел прятаться, он желал видеть все своими глазами.

И он увидел. Увидел, как беззвучно дрогнули шеренги опоясанных деревьев. Потом прокатился гром "зимней грозы" летом, как подумал профессор. Зеленые шеренги повалились все вместе, как деревянные солдатики, когда на них сильно дунешь. Падали, смешиваясь кронами, сцепляясь ветвями. И когда вершины их коснулись земли, то разом вверх, как поднятые ноги танцовщиц, подскочили стволы, отрезанные от пней взрывчатыми поясами.

И сразу все смолкло. Казалось, что после грома отказал слух.

Лес широкой полосой, словно скошенный единым взмахом исполинской косы, лежал поверженный, устлав собой широкую зеленую просеку.

Просека была. Профессор должен был это признать. Но для преграды огненному валу этого было мало! Уж это-то старый специалист по лесным пожарам отлично знал. Лежащие на земле деревья так же горят, как и стоящие на корню. По-настоящему все их нужно бы теперь оттащить, а посередине просеки вырыть ров. Тогда это походило бы на дело. Но тракторов и землеройных машин нет!

Над вновь возникшей просекой на бреющем полете пошли самолеты. Знатьев, ожидая бомбежки, по старой ленинградской привычке (времен блокады) упал на землю. Потом встал, отряхиваясь и виновато оглядываясь.

С самолетов сыпались бомбы или мины, но не взрывались.

Никто не бежал в укрытие, а подхватывали сброшенные снаряды и закапывали их под стволы поваленных деревьев.

— Иван Степанович! — обратился к ученому Хренов. — Теперь будет самое опасное — направленные взрывы. Прошу в укрытие. На

строительствах они, как вы знаете, творят чудеса. В мгновение ока насыпают плотины, поворачивают русла рек. А у нас подобные направленные взрывы перебросят поваленные стволы к краям просеки и заодно проложат противопожарные траншеи.

Про направленные взрывы профессор слышал немало, но, запустив руку в бороду, проворчал:

— Все равно тебя разжалуют, генерал, в майоры... или в лейтенанты...

— Может быть, в рядовые? — улыбнулся генерал-майор.

— Или разжалуют или пожалуют, — продолжал профессор. — А деревья ты ловко уложил, как ветровалом. Только в районе тунгусского взрыва 1908 года такое видел в тридцатых годах в экспедиции Кулика. Но там они все лежали веером.

— Взрыв там был не направленный, а произошедший над землей в воздухе, на высоте до десяти километров, позвольте уточнить, — заметил генерал.

— Только до сих пор докопаться не могут, что там взорвалось, — ворчал Знатьев. — Надо бы кого-нибудь разжаловать. Надо!..

И снова спрятались в неприглядном убежище под могучим кедром. Десантников Спартак и другие командиры отвели подальше в лес.

И грянул гром. Мины направленных взрывов взрывались под лежащими стволами линиями, попарно: сначала ближние к краям, потом ближе к середине и, наконец, зарытые по оси просеки.

Удары грома следовали один за другим, словно запоздавшие за все летние месяцы грозы разом теперь в неимоверной спешке обрушились на тайгу. Или обрушились в небе невидимые горы и гулкие скалы, подпрыгивая, громыхали по склонам.

— Зимой надо было, зимой! — крикнул в ухо генералу Знатьев.

— Почему зимой? — удивился генерал. — Ведь пожар-то летний.

— Эх ты! А еще сонеты сочиняешь. А кто про "немыслимые зимние грозы" писал?

— Ах так! — облегченно вздохнул генерал и стал выбираться из-под кедра, помогая профессору.

— Я сам, сам, — ворчал тот в бороду. — Посмотреть надобно!

Посмотреть было на что!

После того как рванули цепи направленных взрывов, сваленные до того деревья взлетели в воздух и вместе с тучами вырванной земли рухнули на тайгу. Земля стала дыбом. Воздух стал черным, непрозрачным. А линии продолжали рваться одна за другой. И новые стволы с кронами взлетали в черный воздух и ударялись, как о забор, в стену оставшихся на корню деревьев. Некоторые из них не выдерживали удара и валялись в глубь тайги.

Сама же просека, усыпанная черными комьями земли, походила на вспаханное узкое поле с змеистыми траншеями, в которых взрывались направленные мины. Не осталось на черной полосе и жухлой от жары травы. По обе же стороны просеки стены стоящих на корню деревьев были как бы подперты завалами из штабелей свежесрубленных деревьев, не очищенных от ветвей.

— Ну, брат, — разглаживая усы, сказал Знатьев, обращаясь к Хренову. — Верно я сказал. Я всегда верно говорю. Разжалуют тебя в лейтенанты. Так и будет.

— Как так? — удивился Хренов.

— Вот чудак! Все ему разжевать надобно! В генерал-лейтенанты разжалуют. Понял?

Хренов улыбнулся:

— Вы же говорили в подполковники.

— Ишь чего захотел! Сразу до деда добраться! Так ведь не бывает генерал-подполковников. Только генерал-полковники!

— Мне и лейтенанта хватит, лишь бы огонь остановить, — отшучивался Хренов

— И ведь без единой пилы, — восхищался профессор. — И топоры не стучали! И трелевочных тракторов не было! Чисто сработано! Только не зазнавайся. Знай, дуракам да новичкам всегда везет. С первого раза

получается. А во второй раз непременно что-нибудь помешает. Не выйдет!

— Вы же говорили, не выйдет никогда.

— Так то ж не я — Чехов! "Письмо к ученому соседу". Зло написано. Тебе бы так сонеты писать. Про тех же "жрецов науки"!

— Я постараюсь.

— Да уж постарался, вижу. Ты скажи мне, Вася, сколько тебе минут на операцию понадобилось.

— По расчету, Иван Степанович, двадцать две. На деле — двадцать пять. Все-таки три минуты опоздания есть.

— Вот видишь! — назидательно произнес профессор. — А лесорубам с бензопилами, с тракторами и прочей техникой — по плану двадцать два дня. А на деле — весь летний сезон. Вот так.

Перебрасываясь словами, профессор и генерал перебрались через ближний завал и вышли на Новую Просеку.

На противоположном завале собрались десантники вокруг Спартака и Остапа.

— В любом деле изюминка — перекур. Может, изменишь себе, закуришь?

— В лесу? Ты что? Очумел? — с деланным ужасом, смеясь глазами, воскликнул Спартак. — Еще пожару наделаешь. Да и спичек нету.

— Ладно. Я подожду, — покорно согласился Остап. — Вот подойдет пожар к просеке, я у него огонь и займу прикурить. Сатана огневой, поди, сговорчивей тебя будет!

Дружный хохот покрыл его озорные слова. А Спартак достал газовую зажигалку и дал другу прикурить:

— Я ж говорю, спичек нет. А вон и генерал наш с гостем места на трибуне занимают.

— Места хватит. Да и смотреть — загляденье! Клево! — отозвался Остап, показывая рукой на рваные черные траншеи и обугленные пеньки, тянущиеся редкой щетиной до завалов, где из-за переплетенных

веток, припорошенных черной землей, стволов почти и не видно было. — И гарью как следует пахнет. А начала все нет!

И вот... началось.

Десантники по всей длине Новой Просеки, генерал с профессором как замороженные смотрели на появившихся на грани леса оленей. Пятнистые, они сливались с таежной зеленью, не решаясь перебраться через древесные завалы. Чувяли близость людей. Но огонь сзади подпирал.

Разом, как по чьей-то команде, на просеку высыпало множество рыжих белок. Быстрыми огоньками переметнули они через траншеи, взлетели на завал, на котором сидели десантники, и исчезли в плотной зелени.

Но одна из белок отстала, ковыляя и таща обессиленный хвост, оставляя за собой на черной земле длинную бороздку.

— Подраненная, — заметил Спартак.

— Так я сейчас! Помогу ей, мигом! — крикнул Остап и кинулся на просеку.

Рыжий комочек метнулся от него. Но Остап ловко упал, вытянул руки и умудрился схватить белку. Но тотчас вскочил, истошно крича. Подранок же мчался, забыв о собственной боли.

Но Остап не забыл. Вернулся, тряся окровавленной правой кистью:

— Укусила, безмозглая! Словно девка нецелованная!

Укус был серьезным, кровь текла ручьем. Появилась девушка-санструктор. Сумка с красным крестом через плечо. Сделала пострадавшему перевязку по всем правилам полевой медицины и ни разу не улыбнулась Остапу, когда тот грозил всему нецелованному кусачему племени. Ребята подтрунивали над ним, а Спартак мрачно заметил:

— Подвел ты меня. Думал, операция без потерь прошла, а ты...

На просеку выскочили зайцы.

Раздалось улюлюканье и крики:

— А ну, заяц, погоди!

— Остап! Лови!

Зайцы опешили от криков, заметались, словно путали следы на черной вспаханной земле, потом помчались все разом, как спущенная со свор стая собак, и исчезли в завалах.

И только после этого на просеку выскочили олени. Рогатые самцы, а за ними ланки с оленятами. Они бесстрашно, казалось, бежали на десантников. На самом же деле, обезумев от страха и удушливой гари, наполнявшей воздух. Десантники посторонились, чтобы дать стаду пройти. Изящно взяв барьер из поваленных стволов, пятнистые животные слились с таежной зеленью.

Немного в стороне через просеку ковылял миша в опаленной местах шубе.

— Михайло Потапыч! Милости просим!— кричал Остап.

— Уймись ты, подранок, — цыкнул на него Спартак.

Но Остап заорал еще громче:

— Хлопцы, зырьте! Наш, в тельняшке!

— Тише ты, дурило! Спугнешь, не поймашь!

— Иди бери голыми руками, как бельчонка, — слышалось с разных сторон.

— Его нельзя. Он в Красную книгу записан. Никак, уссурийский тигр, — отозвался за Остапа Спартак.

Никто не испугался могучего зверя. Легко перескочил он через завал, вильнув полосатым хвостом, и вышел на просеку, осторожно, по кошачьи грациозно ставя лапы на черную землю, словно боясь их запачкать. Величественно продефилировал он мимо десантников, совершенно игнорируя их присутствие.

— Ишь зазнался, полосатый! Тельняшка-то твоя как у зебры!

Тигр не понял, не оскорбился и не оглянулся.

— Сдается мне, что есть еще один зверь, записанный в Книгу, — заметил Спартак.

— В Красную?

— Нет, скорее в Черную. Только не знаю, где его найти, как следствию помочь.

— Сам найдется, — заверил Остап. — Подсуетится, подсуетится, да к нам и выйдет о двух ногах, как миленький.

— Как бельчонок подраненный. Ты его и возьмешь здоровой рученькой, — слышались голоса десантников.

— Ладно вам, пустобрехи. Вас бы так кусанула.

Но никто "о двух ногах" не вышел на Новую Просеку, не оставил следов на черной полосе, которые так тщательно изучают на границе ее стражи в зеленых фуражках.

Хромой был где-то далеко.

Генерал обходил отряды.

Спартак выскочил перед ним, приложив руку к берету:

— Разрешите доложить, товарищ генерал. Задание выполнено.

— Потерь нет? — спросил Хренов.

— Есть один раненый.

— Что? Укрылся плохо? Комом или веткой задело?

— Никак нет, товарищ генерал. Бельчонок укусил.

— Ладно, не тигр, — улыбнулся генерал.

Едва Хренов обошел свои отряды, как подоспел Огонь.

С шипением, с дымовой завесой, как бы посланной с ветром вперед, шел Огонь в атаку на дерзких людишек, издали душа их гарью.

И затрещали в тайге залпы невидимых ружей, заухали взрывы лопающихся стволов, взвивались огненные фонтаны, как от разорвавшихся снарядов. Стихия огня рванулась вперед и налетела... на пустоту. И замерла, кружась в ярости на месте. Хотела захватить завалы поверженных деревьев, но, присыпанные землей, они не желали загораться. Побежали было, как по бикфордовым шнурам, струйки дыма по оставшимся кое-где линиям жухлой травы, но скоро сникли, зачадили. И тогда в бессильной злобе огненная стихия попыталась опалить лютым жаром людям лица, задушить отравленной гарью и

дымом этих дерзких ребят в тельняшках. Но те только посмеивались, отплевывались и чихали. Чихали на Огонь!

И не смогла пройти Огненная Злость через преграду Заботы, не прорвалась к Великой таежной стройке.

И в полном уже бешенстве бессилия ринулся пожар вместе с переменившимся ветром на восток, словно хотел отомстить обманувшему его Хромому. Но догнал ли?

Тамара пришла ко мне на дачу, как обещала, со Спартаком и Остапом, получившими внеочередные отпуска.

Остап, знакомясь, уверял меня, что он специалист по всему внеочередному (может быть, он имел в виду наряды?) и необыкновенному.

— Вот Тамара-то у нас! Она необыкновенная! Вы зажмурьтесь и подумайте. "Идзе"! Так обыкновенная грузинская фамилия кончается. Но Тамара-то ведь не ИДЗЕ! Клево? Потому и пожар у нее на холсте как заправский. Обжечься можно.

— Мы сравним, — сказал я. — Этот камин у себя в комнате я сложил сам. Мы разожжем дрова. Сейчас найду спички.

— Не надо, — остановил меня Спартак. — Там, на таежном пожарище, нашли обугленные человеческие кости и котомку с несгораемым контейнером.

— В нем что-нибудь было?

— Да. Томик Игоря Северянина. "Королева играла в башне замка Шопена". Еще корни женьшеня и вот это. — И он протянул мне пластинку. — Кладите под дрова и ударьте ее поленом.

Я так и сделал. Пластинка съежилась, как живая, и воспламенилась. Дрова разгорелись.

— Теперь рассказывайте, — приказала мне "княжна" Неидзе.

И я рассказал им все, что услышал от "говорящего холста".

— Услышал от холста? — спросила Тамаре, когда я кончил. — Значит, и про Спартака и Остапа это он вам наговорил? Нет, я ведь сама что-то там вспоминала о них. Но вот про Хромого!..

— Откуда вы узнали, что он хромой? — спросил Спартак.

— А это не так? — осведомился я.

— Дело в том, что среди обугленных костей сохранился великолепный заграничный протез. Так что лады тут у вас. И про генерала нашего и про профессора тоже похоже, — как бы вслух думал Спартак. — Ну, тридцать три богатыря — это для краски...

— А сам, то есть генерал Хренов, он не придет сюда? — забеспокоился Остап.

— Да ты что? Он же с частью остался. Ему внеочередной не положен!

— Нет, почему же, — возразил я, — генерал-полковник Хренов вполне может прийти. Он ко мне заходит. Соседи. Рассказывал и о своем однофамильце молодом.

— Вот потому все как по правде, — заключил Спартак.

— А вот и неправда! Поймал я его, поймал фантаста! — закричал Остап. — Как там у вас сказано? Припадал на левую ногу?

— Да, кажется, я сказал — на левую.

— А вот и неверно! Протез-то нашли с правой ноги! Эге! Не клево это у вас! — И Остап поднял палец.

— Я не виноват, — усмехнулся я. — Это же холст! Когда речь шла о припадавшем на какую-то ногу Хромом, я мог находиться с противоположной стороны полотна. И все становилось зеркальным.

— А вы мне нравитесь, — сказала художница. — Я нарисую вам еще что-нибудь. И вы будете рассказывать. Мне.

Я был счастлив.

Остап улыбался. Спартак нахмурился.